

Л.В. ИВАНОВА –

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время экстремизм признается одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009 N 537, указывается на необходимость совершенствования нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с названным явлением. Наибольшей общественной опасностью обладают уголовно-правовые проявления экстремистской деятельности (экстремизма). Для эффективной борьбы с такого рода деяниями необходим и действенный уголовно-правовой механизм.

Для осуществления эффективной уголовно-правовой борьбы с тем или иным преступным проявлением прежде всего необходим чёткий понятийный аппарат, при этом исходя из принципа системности, один и тот же термин должен иметь и одинаковое значение на протяжении всего Уголовного кодекса РФ. Согласованность в терминологии должна быть не только в рамках уголовного законодательства, но и уголовно-правовых норм с нормами иных нормативных правовых актов, относящихся к рассматриваемому вопросу. Вместе с тем иногда существуют расхождения в содержании норм, что приводит к определённым проблемам в правоприменительной деятельности. Подобная ситуация наблюдается и в отношении противодействия экстремизму.

Обратимся к понятию экстремистской деятельности (экстремизма). В п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ называются формы проявления такой деятельности. В то же время в УК РФ содержится понятие преступлений экстремистской направленности, под которыми понимаются любые уголовно-правовые деяния, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-

либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Из анализа содержания названных категорий следует, что уголовное законодательство связывает экстремистскую направленность преступлений с наличием определённых мотивов. По сути, любое преступление, предусмотренное УК РФ, если оно было совершено по указанным мотивам, признаётся преступлением экстремистской направленности.

Если же обратиться к ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», то видно, что закреплённое в нём понятие экстремистской деятельности носит гораздо более широкий характер.

Не согласимся с Саркисовым Д.Н. в том, что несовпадение характеристики экстремизма в названном законе и характеристики экстремистских преступлений в Уголовном кодексе закономерно, так как целью законодательного определения перечня видов экстремистской деятельности в комплексном законе являлась не их криминализация, а организация системы общесоциального предупреждения¹. Ведь несовпадение содержания терминов в названных законе и кодексе может привести к возникновению определённых трудностей в правоприменительной деятельности. Чтобы этого избежать, необходимо системное приведение нормативных правовых актов в соответствие.

Так, вызывает вопросы включение в понятие экстремистской деятельности публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности. Представляется, что террористическая деятельность и экстремистская деятельность всё-таки различные понятия и в правовом, и в содержательном плане. В частности, об этом свидетельствует различная правовая основа (в отношении терроризма принят самостоятельный закон, регулирующий борьбу с ним: «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ). Кроме того, уголовная ответственность за экстремистскую и террористическую деятельность установлена в самостоятельных статьях УК РФ. Как отмечает А.Г. Хлебушкин, смешение экстремизма и террористической деятельности привело к возникновению ряда проблем, связанных с привлечением к ответственности за участие в террористических и экстремистских организациях².

Кроме того, если рассматривать указанные в законе формы экстремизма в совокупности, то из общего списка выбивается, например, воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединённые с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности

¹ Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 17 – 18.

² Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 7.

государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения. Получается, что вышеназванный Федеральный закон рассматривает экстремистскую деятельность в широком смысле, исходя из буквального толкования термина экстремизм, означающего приверженность к крайним взглядам, мерам. Если вышеназванные правонарушения были отнесены к экстремистской деятельности в силу применения насилия или угрозы его применения, то почему не были прописаны и иные, в том числе уголовно наказуемые формы нарушения прав человека, сопряжённые с применением насилия или угрозы его применения?

Представляется, что в целях разграничения схожих явлений к экстремизму необходимо относить лишь те деяния, которые так или иначе сопряжены с нарушениями прав, свобод человека по мотивам социальной, политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, вражды.

Исходя из этого в уголовно-правовом механизме противодействия экстремистской деятельности можно выделить, во-первых, статьи, формулирующие составы собственно «экстремистских» преступлений (ст. 280, 282, 282¹ и 282² УК РФ); во-вторых, примечания к ст. 282.1 и 282.1 УК РФ, формулирующие основания освобождения от уголовной ответственности участников экстремистской организации и стимулирующие отказ от продолжения экстремистской деятельности; в-третьих, составы, закрепляющие экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков (например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ и др.); в-четвертых, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, придающий экстремистским мотивам значение обстоятельства, отягчающего наказание при совершении любого преступления¹.

Как ранее отмечалось, для осуществления эффективной уголовно-правовой борьбы с тем или иным преступлением важное значение приобретает единство понятийного аппарата не только между различными нормативными правовыми актами, регулиющими тот или иной вопрос, но и в самом уголовном законе. Вместе с тем это не всегда имеет место, в том числе и в отношении экстремистских преступлений.

К примеру, ст. 282.1 предусматривает ответственность за организацию экстремистского сообщества, определяя последнее как организованную группу лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. В Общей части УК РФ раскрываются формы совместной преступной деятельности. Понятие преступного сообщества содержится в ч. 4 ст. 35 УК РФ, под которым понимается структурированная организованная группа или объединение

¹ См.: Саргисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 20.

организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Очевидна несогласованность данных определений, иначе бы для привлечения к ответственности по ст. 282.1 УК РФ необходимо было бы устанавливать еще и цель извлечения финансовой или иной материальной выгоды. Кроме того, как следует из определения, преступные сообщества создаются для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а преступления экстремистской направленности могут быть и средней тяжести. Если же предположить, что под экстремистским сообществом понимается всё-таки организованная группа, определение которой содержится в ч. 3 ст. 35 УК РФ (устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений), то опять же непонятно, почему в ст. 282.1 УК РФ употреблен именно термин «сообщество». В итоге возникает вопрос. Что же такое экстремистское сообщество: преступное сообщество или организованная группа?

Представляется, что понятия, раскрываемые в Общей части УК РФ, носят общий характер и исходя из системности норм должны применяться для раскрытия признаков соответствующих (аналогичных) понятий, закреплённых в Особенной части УК РФ. А для этого необходимо последовательное, логичное закрепление соответствующих терминов и в Особенной части УК РФ.

Таким образом, правовая основа противодействия экстремистской деятельности нуждается в дальнейшем совершенствовании. Для эффективной уголовно-правовой борьбы с экстремизмом прежде всего необходим единый понятийный аппарат, носящий системный, логичный характер.
